

Л. Скорино

**СЕМЬ
ПОРТРЕТОВ**

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ

Москва

1956

МАРЕМЬЯНА ГОЛУБКОВА

I

Биография простой печорской крестьянки, народной сказительницы Маремьяны Романовны Голубковой, — яркое свидетельство тех коренных исторических перемен, глубочайших социальных сдвигов, которые произошли в нашей стране после Великой Октябрьской социалистической революции. Из народных низов, из неизвестности старой каторжной жизни Маремьяна Романовна поднялась к славе знатного советского человека, человека-творца. Выступила она перед своим народом как создательница чудесных поэтических сказов о новой жизни и как автор повестей «Два века в полвека» (1940), «Оленьи края» (1947) и «Мать Печора» (1952), созданных в творческом содружестве с Николаем Леонтьевым.

Родина М. Р. Голубковой — сказочный печорский край. Она родилась 1 марта 1893 года в деревне Голубково, Нижне-Печорского района, Ненецкого национального округа, Архангельской области. Здесь, в низовьях Печоры, недалеко от Пустозерска, среди широких печорских лугов, в маленькой северной деревушке, прошла большая часть ее трудной жизни.

Родом Маремьяна Романовна из батрацкой семьи. Мать ее привезли еще девочкой двенадцати лет с Пинеги в Голубково. До восемнадцати лет она прора-

ботала у кулаков. Потом выдали ее замуж за старого вдовца, бедняка Фому Голубкова.

О родителях Маремьяна Романовна рассказывает: «Дом у них был «богатый»: черная избенка, окна маленькие, однорамные. На ночь их ставнями да сеном закладывали. В середину сена наложат да ставни поставят, вот и тепло. Утром мать встанет, печку затопит — надо ей дверь открывать: дым до полу ходит, задохнешься. Холодище пойдет, пар. Сверху капли да мокрая сажа комьями валится, а на полу вода мерзнет». Отец М. Р. Голубковой вскоре умер. Мать осталась с оравой детишек и вынуждена была выйти замуж вторично. Но отчим не захотел кормить чужих детей. «Могут сами себя пропитать», — заявил он. «Пришлось матери отдавать нас в люди, — вспоминает Маремьяна Романовна. — Не от радости, не от большой охоты, а от великой неволи, от большого недостатка рассеяла и развеяла она нас по чужим людям на сторонку».

Маремьяна Романовна, как и мать ее, еще девчонкой начала тяжкую трудовую жизнь.

«За прялкой-то сидишь — не вовсе велика. Помню, пришла к нам старуха соседка, Анной звали, она в работе у кулака жила. Пришла и удивилась: «Мать-то наряжает на работу эстоль-то велику. Кого уж тут и наряжать-то есть: сидит, а саму из-за прялки не видно».

А мать отвечает: «Видно не видно, а есть-то хотят. Есть-то они мужички, а делать-то парнички».

С семи до шестнадцати лет Маремьяна Романовна жила в няньках и работницах у кулаков. Шестнадцати лет ее насильно выдали замуж за человека, которого она до этого и в глаза не видела. Муж попался злой да норовистый, над молодой женой издевался, бил ее. «Нет-нет да опять какую-нибудь вину выищет: люди меня похвалят — неладно ему, пить да есть мне — тоже грех тяжкий, а если что и в горло не лезет — надо есть, а то опять не угодишь. А не угодишь — будет расправа». Не выдержала Маремьяна Романовна, не стерпела издевательств и смертных побоев, сбежала от мужа: «Сердце мое крепче камня стало, и ушла я

от своего мучителя». Снова начала батрачить в одиночку и воевать со своей неласковой судьбой.

Пробовала Маремьяна Романовна братья за мужское дело, за путину. Добыла где-то сети и год провела у моря на рыбной ловле. Здоровье у нее было железное, могучее. «Худеньким-то мужичкам я сама бока ломала, — говорит она, — и в работе ретивой была». И все же непосильной оказалась для нее самостоятельная жизнь. Пришлось вторично выйти замуж, на этот раз за человека, который был на сорок лет старше нее. Человек он оказался неплохой, работающий, опытный кормщик, жену даром не обидит, худого слова не скажет. Хозяйство было у него не богатое, но и не бедное. Работала теперь Маремьяна Романовна на себя, а тяжести все-таки не убавилось. Все силы у нее забирало хозяйство да орава детишек. Не видела она просвета и в новом замужестве, не чаяла для себя ни счастья, ни радости.

Перелом в жизни этой талантливой русской женщины произошел только при советской власти.

Когда началась коллективизация, Маремьяна Романовна поняла, что поднимаются всходы нового счастья, новой, истинно человеческой жизни. А муж ее воспротивился, не захотел вступать в колхоз. «Какие мы коллективщики, — говорил он, — молодым-то, тем, бывает, и нужно, а уж мы, старики, как жили, так и доживать будем». Тянуло Маремьяну Романовну в колхоз к дружной, общей жизни. Видела она, как коллектив набирает силы, как богатеют колхозники от своих трудов. Но из-за мужа осталась она бедовать в своем единоличном хозяйстве. «Дома-то глаза вниз опустишь и молчишь. Муж думает, что у меня о старом болит сердце-то, а у меня оно давно о новом болит».

Вскоре умер муж. После его смерти тяжело заболела и сама Маремьяна Романовна. Это отдалило ее мечту о колхозе. «Кому больной человек нужен? — думала она втайне про себя. — Колхоз — не богадельня. В колхоз-то я думала идти не на койке лежать, а работать. А тут и дома-то не могу ладом дело вести. Вот и ждала я до поры своего здоровья, как у моря

погодья». Но колхозники сами пришли к Маремьяне Романовне и позвали ее к себе, в свой коллектив. В колхозе взялись голубковцы за развитие животноводства. Раньше, до революции, люди здесь занимались исключительно рыбной ловлей и промышляли пушного зверя. Коллективное хозяйство открыло новые перспективы. Да и пастбища теперь уже были не кулацкие, а свои, колхозные, стала Маремьяна Романовна дояркой.

Началась новая жизнь. В доме Маремьяны Романовны появился достаток. Возникло ощущение прочности существования, окрепла уверенность в завтрашнем дне. Эти перемены тесно были связаны для Маремьяны Романовны с утвердившимся колхозным строем. Разрослось колхозное стадо—коровы и лошади паслись на тучных печорских лугах. Колхозники собирались даже «целиком на сельское хозяйство перейти», да пожалели рыболовство бросить — «вековечный наш промысел», — вспоминает Маремьяна Романовна. «Да и рыбы в новые рюжи да в ставные невода втрое больше, чем прежде, шло. От рыбной ловли у нашего колхоза в банке большие тысячи лежали. От путины да от сенокосу доходы год от году росли».

Изменился весь порядок деревенской жизни. «Кроме газет, и журналы начали получать, в красном уголке книги завелись. По вечерам мы соберемся там... Один книжку читает, другой радио слушает, а я песню запеваю... В октябре ночи темны, тропы черны, ветры холодны, снежком порошит, а у нас в красном уголке и светло, и тепло, и весело».

Теперь все дети Маремьяны Романовны в школе да в техникуме учились. Да и не только дети. Сама она засела за грамоту. «У меня веки душа болела, учиться хотела. С малых лет я у матери учиться просилась, — вспоминает о своем детстве Маремьяна Романовна. — Братишки по году учились, так и от них-то я каждое слово ловила, с той поры и буквы запомнила. Ребята в школу пойдут, и я без спросу туда же волокусь. Да не удалось мне у матери ученье выречь... Было бы время, так я бы самоуком выучилась. А у хозяев время не вырвешь. Они задаются,

Маремьяна Голубксва

а грамоту добыть работному человеку не дадут». И когда советское правительство постановило обучать всех неграмотных в стране, Маремьяна Романовна поняла, что пришла пора осуществиться ее давнишней мечте. Не побоялась она насмешек, не задумалась над своими немолодыми годами и начала посещать ликбез. «Свежим воздухом я дыхнула. Мои слезы уже выплаканы, кручина прочь откинута. Время теперь не то и дело не то. Безумье-то никуда не девается, надо ума в голове копить».

В колхозе почувствовала себя Маремьяна Романовна полноценным и полноправным человеком. Раньше она в четырех стенах, как в тюрьме, была заперта: «Живи да ходи в четырех углах, к пятому шестку — от печки до стола, а от дверей до лавки».

Теперь иное дело. Вышла Маремьяна Романовна в почетные, уважаемые люди. «За один год работы в колхозе ее выдвинули в ударницы и дважды премировали. В старое время уж известно, какой мне да и любому простому человеку почет был: не вперед пустили, а назад толкали», — говорит Маремьяна Романовна. «Почеты мне прежде добрые были: не величаньем, а обзываньем. Имени моего люди не знали, отчества не слыхали».

Простая крестьянская женщина ясно видела, как глубоко изменилась ее жизнь. Поняла Маремьяна Романовна, что настало новое, небывалое время, когда «весь народ одной семьей жить начал». «И я себя в этой семье, — говорит она, — почувствовала не лишней, а ближней». Об этой светлой радости и сложила новые песни Маремьяна Романовна Голубкова. «И хорошо мне стало, ровно я на теплом солнце согрелась. Тут у меня кровь и вовсе живой сделалась, легко заходила, весело запела». Талантливая песенница, и в старое время славившаяся во всей округе своим мастерством, поняла, что старые песни отжили свой век, что настала пора для новых песен.

«Вот, думаю, старое житейство заставляло нас старые песни петь, такие, что людям сердце шевелили, слезы добывали, тоски придавали. А нонче они припелись,

Новая жизнь, так новая и песня нужна: жизнь хорошая, так и песня веселая».

Поиски этой новой песни повели к началу нового периода в жизни Маремьяны Романовны, периода большого, сознательного творчества. Печорская колхозная доярка становится в ряд с писателями Советской страны.

II

Творчество печорской сказительницы Маремьяны Романовны Голубковой питается от двух истоков. Первый — вековая песенная и сказовая народная традиция и второй, главный, — новое советское мировоззрение, новый мир, открывшийся жадным глазам талантливой русской женщины из народа.

Тяжкая жизнь, которую прожила Маремьяна Романовна в глухое дореволюционное время, скрашивалась единственной радостью — творчеством.

«Песня да вздох — неразлучные сестры», — говорит печорская поговорка. От тяжелой работы да от обид уходила Маремьяна Романовна к светлым родникам народной песни, да и сама «складывала» плачи о тяжелой девичьей доле. Тянулись долгие, беспросветные дни подневольной жизни, «и всего передумаешь и наплачешься, — вспоминает о своем прошлом Маремьяна Романовна. — Вот у нас и ведется: подбирают слова под тяжелую работу и составляют девчонки плачи. Я на двенадцатом году, помню, как выкроишь спокойное время, дело не мешает думать, вот и в голове-то дума и забродит, как хмелинушка. Вспомняешь, как девки-то живут у отцов да матерей: ни заботы-то им, ни печали, ни воздыханья. А я, несчастная, как родилась, так и заразилась заботой да работой, горем да печалью. Вздумаешь — слезы не надо наряжать, сами катятся, а по слезам и слова плывут, как льдиночки по вешней воде вольной:

Тяжелехонько я вздохнула,
Свою мать я вспомянула,
Родила меня, горюшу, мама,
А не прибрала яму —

В мать сырой земле могилу
Повалила бы да схоронила,
В мать землю бы положила...
А то родила да отпустила
По чужим людям, по работам,
По богатым — по богатыням...

Маремьяна Романовна пришла к «складыванию» собственных плачей и сказов, освоив богатую устную народную культуру — песни, былины, сказки, пословицы и поговорки, которые на Печоре прочно вошли в быт, стали необходимой частью житейского обихода крестьянства.

Здесь издавна славились своим мастерством былинщики и песельники. Бывало проводились даже состязания сказочников. Побеждал тот, кто знал большее количество сказок, у кого они были занимательнее, отточеннее и живописнее по языку. Но Маремьяна Романовна хоть и слушала их, а не перенимала. И к былинам ее не тянуло: «Былины казались мне стариковским делом». Зато русские старинные песни ей больше всего пришлись по душе: «Запою песню, а сердце само заплачет. Иной раз думаешь, что от радости поешь, а посмотришь — и веселая песня слезы добудет...»

Сказительница знает и помнит наизусть много песен. От нее записано Николаем Леонтьевым свыше четырехсот песен с напевами и с вариантами, которые поются в разных деревнях Печоры. Голубкова знает множество сказок и пословиц. «С детства мне пословицы за ласковое слово казались, — рассказывает Маремьяна Романовна. — На них я училась и говорить-то. У кого услышишь — как на удочку подхватываешь. Они, глядишь, и пригодятся — то ли к подолу, то ли к вороту пришью, на долгую нитку да на большую иглу. А потом я и своедельные пословицы сыпать стала. Вижу, что к случаю ловко слово применить можно, вот пословица сама на язык и вывертывается. Скажешь — все, что нужно, свяжешь. Эти пословицы моими мыслями сдуманы, мною сказаны, своерождены, своекормлены да своепоены».

Народная поэзия во всем многообразии ее форм и

жанров явилась той плодотворной почвой, которая питала собственное творчество Маремьяны Романовны.

На протяжении всей жизни ею владело и владеет стремление создавать новые произведения, а не только передавать, выпевать или пересказывать то, что было сложено уже до нее. В старое время это стремление увело ее в сторону вполне определенного жанра — к плачам и причитаниям.

Сила этого жанра в том, что здесь традиционная схема насыщается реальным — жизненным содержанием. Материалом для построения плача служат судьбы конкретных людей, реальные события их жизни. В печорских деревнях к плакальщицам предъявляются строгие и категорические требования: в любом причитании они, во-первых, обязаны избегать подражаний и перепевов, во-вторых — должны проявить свое индивидуальное отношение к событиям и людям, которые ими воспеваются. Отсюда слава плакальщиц не в умелом повторении тех или иных готовых поэтических формул, а в творческом осмыслении вполне реальных, конкретных событий жизни. Маремьяна Романовна в своих дореволюционных причитаниях воссоздавала реалистические картины страшной жизни бесправной крестьянской женщины, оплакивала ее украденное детство, ее потоптанные мечты о любви, о счастье.

Это были талантливые плачи. Ими славилась Маремьяна Романовна далеко за пределами родной деревни. Однако Печора знала таких плачей немало, хотя, быть может, не всегда столь талантливых, как у Маремьяны Романовны Голубковой.

Настоящий, подлинный расцвет творчества Голубковой начинается в советское время. Став колхозницей, Маремьяна Романовна прониклась страстным стремлением рассказать о великих переменах, которые произошли в ее личной жизни и в жизни всего народа. Помогла этому встреча Голубковой с фольклористом Н. Леонтьевым.

Сын холмогорского крестьянина, он хорошо знает и любит русский Север, красу его суровой природы, своеобразие его поэтической культуры, сохранившей с древних времен поэзию песен и былин и лукавый

юмор народных новелл и сказок, мудрость пословиц и афоризмов. Но прежде чем стать собирателем сокровищ народной поэзии, что было его подлинным призванием, Н. Леонтьев, закончив лесной техникум, в течение целого десятилетия работает изыскателем. Он побывал в глухих уголках края, обошел берега северных рек Пинеги, Солзы, Урзуги и многих безыменных речушек. Позднее ищет место для строительства фосфоритного комбината, находясь в составе изыскательской партии Гидротехстроя в Казахстане; участвует в ирригационном строительстве в Таджикистане¹ и т. д. Только в 1936 году он возвращается на Печору. Здесь становится сотрудником окружной газеты «Нарьяна Вындер» («Красный тундровик»). В поездках по заданиям редакции он собирает былины, сказы, плачи и песни. Некоторые из его записей публиковались в газете, которая охотно предоставляла свои страницы литературным материалам.

В культурной жизни края «Нарьяна Вындер» сыграла важную роль. Огромной ее заслугой явилась организация здесь литературной самодеятельности.

В первые дни существования, возникнув в связи с образованием Ненецкого округа, газета вынуждена была опираться на «устных корреспондентов», так как грамотных людей в тундре не находилось. «Усткоры приезжали в редакцию окружной газеты или в чум выездной редакции, выпускавшей на ненецком языке газету «Ясовей» («Проводник»), и рассказывали об организации колхозов, о ходе социалистического переустройства тундры, разоблачали тундровых кулаков и шаманов. Эти устные сообщения были первыми ласточками литературной самодеятельности ненецкого народа»².

Когда Н. Леонтьев начал сотрудничать в «Нарьяна Вындер», газета окрепла, выросла и превратилась в боевой орган окружной партийной организации. При редакции возникла творческая группа, затем перерос-

¹ А. Михайлов. От устной поэзии к литературе. Архангельское книжное издательство, 1954, стр. 26.

² Там же, стр. 9.

шая в литературное объединение. Газета постоянно печатала очерки, стихи, рассказы начинающих писателей края. Выходили и специальные литературные страницы. Выпущены были альманахи «Заполярье» с произведениями молодых. В этом объединении начали свой путь в литературу писатели Иван Меньшиков, Николай Леонтьев и Маремьяна Голубкова.

Встреча советского литератора со сказительницей произошла в конце тридцатых годов, во время одной из поездок Н. Леонтьева по Нижнепечорью в поисках причитаний и плачей.

«Когда я записал от нее причитание по ее второму мужу, я был потрясен, — рассказывает Н. Леонтьев о Голубковой. — Это было настоящее поэтическое произведение, рассказанное взволнованным языком поэта. Это был подлинно художественный сказ, каждая строка которого была полна горечи... О неизбывном горе старой жизни плакала Голубкова в своих причитаниях». Н. Леонтьева поразила сила мысли, бурно изливающейся в сказах-плачах Маремьяны Романовны, их речевое богатство, острое, гневное отрицание старой жизни с ее мраком и грязью, с ее бесчеловечными законами, всю тяжесть которых сказительница испытала на себе. Н. Леонтьев увидел, что перед ним «человек большого таланта». При его содействии в «Нарьяна Вындер» был опубликован первый сказ Маремьяны Романовны о старой жизни. Газета открыла путь в литературу М. Р. Голубковой.

Творческая работа со сказительницей, которую начал Н. Леонтьев, была делом новым. Она вызывала опасения и страхи у фольклористов, стремившихся лишь к обнаружению и записи новых вариантов старых, множество раз публиковавшихся фольклорных произведений — былин, сказок, сказов и т. д. Н. Леонтьев пошел иным путем — он искал те принципиально новые явления, что возникали и ежечасно возникают в фольклоре под влиянием самой жизни, и стремился их не только выявить, но и поддержать.

Встретив Маремьяну Романовну Голубкову, советский фольклорист отверг либерально-буржуаз-

ные, устаревшие каноны этой науки: «Мне предстояло решить дилемму: или, не вмешиваясь в творческий процесс сказительницы, ожидать, когда он завершится сам, или ускорить завершение этого процесса своим личным вмешательством, творческой помощью Голубковой, участием в процессе создания нового сказа». Н. Леонтьев выбрал второй путь: «Я не имел права предоставлять сказительницу самой себе. Я рассуждал: человек она, несомненно, талантливый, надо помочь этому таланту раскрыться, надо помочь Голубковой найти самое себя. Я так и сделал: не ограничился функциями стенографа, а с самого начала работы Голубковой над новыми поэтическими сказами последовательно руководил процессом ее творчества».

Голубкова впервые из своей деревни едет в город Нарьян-Мар, вскоре в Архангельск, а там и в Москву. Маремьяна Романовна получила в этой поездке огромный запас новых мыслей и наблюдений, который и лег затем в основу ее произведений, посвященных и недалекому прошлому, и новой жизни советских людей.

Произведения свои Маремьяна Романовна слагает устно, рассказывает. Несмотря на это, Н. Леонтьев участвовал и участвует во всем процессе создания как ее поэтических сказов, так, позднее, и ее прозаических вещей. Его работа с Голубковой выражается в следующем. Во-первых, Н. Леонтьев помогает Голубковой в выборе темы каждого нового произведения. Задумав ту или иную вещь, сказительница идет к нему за советом, за поддержкой. В живой беседе, в обсуждении творческого замысла выявляются его слабые и сильные стороны, и Маремьяна Романовна или отвергает неудачную тему, или намерение ее крепнет, замысел проясняется.

Затем следует период накопления материала. Здесь помощь советчика весьма велика. Используется все — книги, журналы, газеты, кино, музеи. «В случае, если имелась возможность, — говорит Н. Леонтьев, — я знакомил сказительницу с самим объектом, избранным ею в качестве темы для сказа».

Третий период — это период окончательного фор-

мирования замысла. Тут советчик отступает на задний план, предоставляя сказительнице возможность наедине с собой обдумать весь накопленный материал, а также поработать над подысканием формы воплощения ее замысла.

И наконец наступает период последний и наиболее ответственный — работа над текстом сказа. Здесь Н. Леонтьев превращается в критика и редактора. «Отрывки, недостаточно продуманные, не только подвергались переработке, но нередко и отбрасывались, — указывает Н. Леонтьев. — Жалеть о них не приходилось, так как я знал, что Голубкова может придумать лучше, красивей, ярче».

Сказительница часто обращалась за подкреплением и к народной сказовой традиции, но критически ее воспринимала. «Из песен и плачей выбирала я хорошие слова, — говорит Маремьяна Романовна, — как морошку брала: хорошее да крупное, зрелое да спелое в туес кладу, а на худое да мелкое, незрелое да неспелое не гляжу, мимо пробегаю, по-за кустышком, да по-за сопочкой». Много времени и внимания уделяла Маремьяна Романовна поискам слова и образа. Подчас работа над текстом, над выражением замысла затягивалась: Голубкова, по словам Леонтьева, «ходила, обдумывала, вздыхала, говорила вслух, ни к кому не обращаясь», пока наконец не находила необходимую ей форму для полноценного воплощения темы. Тогда произведение рождалось «довольно легко и безболезненно». Оставалось только записать его.

Опыт подобной работы со сказителем осуществляет, как и Н. Леонтьев, в эти же годы писатель Эффенди Капиев, который вступает в творческое сотрудничество с великим народным поэтом Дагестана Сулейманом Стальским. Естественность и необходимость этих новых форм творческого общения подчеркнул сам поэт, сказав как-то Эффенди Капиеву: «Вот вы, грамотные люди, все верхом, а я пешком, и мне трудно догнать вас и время. Подсадите меня! Не надо оглядываться назад и ждать, сдерживая коней, пока я догоню, — я стар, недолго мне сопутствовать вам — пристройте меня как-нибудь рядом с собой в седле и

гоните дальше». Задача догнать свое быстрое, небывалое время была решена и содружеством Леонтьева с Голубковой. Сказительница рассказала о тех переменах, которые произошли в ней самой, в ее сознании и позволили ей стать подлинным художником. В основу новых произведений Маремьяны Романовны легли наблюдения над новой жизнью советских людей. Об этом говорит Голубкова в повести «Оленьи края», рассказывая о своем разговоре с ненцем Петрей.

«— Любишь тундру-то?» — спрашивает его Маремьяна Романовна.

«— От тундры хлеб-то ем. Вся моя нажива здесь: и олешки, и звери, и птица, и рыба. Кормит нас тундра не голодно, одевает не нарядно, так зато тепло, обувает тоже. Здесь родился, здесь и помирать хочу.

— А знаешь, — говорю, Петря, ведь я тоже так всю жизнь думала. А потом как большой внешней водой сняло меня с места! Находилась я и наездилась, насмотрелась на вольный свет, а теперь людям есть что сказать».

«Большой внешней водой», что сняла Маремьяну Романовну с места, была Октябрьская революция — новая, непрестанно развивающаяся жизнь родной страны.

III

Основные произведения Маремьяны Романовны заключены в четырех книгах: первая — это книга сказов-новин, вторая — автобиографическая повесть «Два века в полвека», третья — повесть о родном Севере «Оленьи края» и четвертая — о колхозах Печоры — «Мать Печора».

Сказы Маремьяны Голубковой тесно связаны с ее жизнью, с теми историческими событиями, которые изменили как облик всей страны, так и облик ее родного Северного края. Темы их таковы: коллективизация, выборы в Советы, Советская Армия, колхозная Печора, сказочный город Нарьян-Мар, социалистическое строительство в тундре. Если первый сказ ее «Я не жизнь жила — горе мыкала» говорил о тяжести старой жизни, был гневным обличением, брошенным в

лицо старому, уходящему миру, то всем последующим сказам ее присуще светлое, оптимистическое звучание. Общественная, революционная тема, тема новой жизни и творческого труда в стране социализма, выражена с глубоким лирическим волнением. Голубкова вкладывала в свои сказы все пережитое ею, передуманное и выстраданное.

Выборы в Совет — для нее мерило изменившейся ценности человека. «Прежде богачи почетны да породны считались, — вспоминает она старое недоброе время, — честь и место им отводили, на руках носили. Иной и никуда не гош, косоротый да криворотый, ничем не взял — ни плечом, ни лицом, ни кожей, ни рожей, ни умом-разумом, а богатством на виду, так он и породный да дородный, с первыми в ряду стоит напереду».

Сказительница осмеивает неразумный и бесчеловечный старый жизненный закон, по которому тот первым был, у кого «казна густа»:

Брюхо толстое, да совесть тонкая,
Казна густа, да голова пуста.

Она воспеваает Октябрьскую революцию, творческую деятельность Коммунистической партии. Человеку теперь возвращено его достоинство, его истинная ценность. Всем сердцем сказительница за такой закон, когда:

Людей меряют по работушке,
По светлу уму да по разуму:
У кого работа в руках родится,
Тот и первым у нас считается,
Кто идет — с пути не отклонится,
Тот отменным у нас почитается.

В эти слова Маремьяна Романовна вложила всю свою душу. За строчками ее стихов стоят долгие годы пережитых ею страданий и унижений. Лиризм ее сказов определяется тем, что большая и общественная тема является вместе с тем и личной темой автора. Жизнь Голубковой неотделима от жизни советского народа. Ее таланту открыта широкая дорога к развитию: «Прежде наше слово мусором считали, а теперь оно к делу да к месту идет».

Маремьяна Романовна поэтически рассказывает о родной земле, о суровом, но дорогом ее сердцу крае. Образ сказочно растущего северного города, города чудес, переходит позднее из ее сказов в повесть «Оленьи края».

В сказе «Мы пошли в поход на кулацкий род» М. Голубкова обращается к раскрытию внутреннего смысла исторических перемен. Она противопоставляет две силы — кулачество и силу народную, сломившую сопротивление богатеев:

Уж мы брали их за вершиночки,
Уж мы рвали их до сама корня,
Чтобы не было, не осталось
На родной земле зла-отростеля.

Сказительница видит новое начало в жизни, оно открывается ей в колхозном строе.

Одинокого человека сравнивает в сказе М. Р. Голубкова с деревцем, что росло-цвело беззащитное:

Как шатают его ветры паркие,
Пригибают его пурги северны,
Бьют-секут его да дожди резкие,
Дожди резкие, да они быстрые.

Листья у деревца «приосыпаны, а вершиночка приобломана, и стоит оно одинешенько, бесприютное да неуютное». Видит Маремьяна Романовна для своего лирического героя, воплощенного в образе деревца, единственную защиту в том, чтобы соединиться с себе подобными. Дерево в лесу защищено от всякой напасти:

Не боится он бури-падеры,
Не страшится он пурги северной,
Ко сырой земле он не клонится,
От больших ветров он не ломится.

В сказках М. Голубковой возникает образ Советской Армии как несокрушимой силы нашего народа:

Не боится ветров гора каменна, —
От ветров гора, она не сдвинется.
Не боимся мы врага-супротивника, —
От врага, как гора, мы не сдвинемся.

Отрывок из этого сказа был положен на музыку композитором Захаровым и исполняется хором имени Пятницкого.

Сказы Маремьяны Романовны характеризуются необычайной ясностью и простотой. Язык естествен, и чем дальше над ним работает Голубкова, тем он чище, свободнее от архаизмов, ближе к 'разговорной речи печорян. В основе каждого сказа явственно пробивается песенная лирическая традиция. Свои мысли Маремьяна Романовна воплощает в образах родной природы, суровой и прекрасной. Образы реки, океана, одинокой березки, северной тундры, северной зари — все это обретает обобщающий смысл.

Сказы М. Голубковой — произведения подлинного народного творчества — не только потому, что они слагаются устно, но и потому — а это главное, — что идеи здесь воплощаются в широко обобщенных эпических или лирико-эпических народных образах.

IV

В советской литературе и фольклоре происходят весьма своеобразные процессы, еще недостаточно изученные нашей критикой. Несмотря на опасения некоторых фольклористов, всеобщая грамотность, проникновение книги в самую толщу народную отнюдь не повели к отождествлению фольклора с литературой, к поглощению, к растворению фольклора в литературе. Напротив, между письменной литературой и устным народным творчеством возникли новые многообразные и сложные связи, которые повели к их взаимному обогащению.

Так, например, из фольклора в советскую литературу перекочевал своеобразнейший жанр «тайного» рабочего сказа, один из наиболее юных фольклорных жанров, насчитывающий всего от одного до двух веков существования, лишь наметившийся, но не достигший в народной поэзии того полноценного художественного развития, какое получили, например, сказка и былина. Жанр этот возникает в народном творчестве с появлением в России развитой промышленности, с изменени-

ём условий труда, потребовавших не только умелых людей, о каких в народе говорилось «на все руки мастер», но и людей, специализировавшихся в определенном виде мастерства. Эти сказы бытовали и бытуют в народе в виде рабочих семейных преданий об умелых мастерах, в виде жанровых зарисовок, отдельных фантастических образов и сюжетов.

К этому молодому, еще не устоявшемуся жанру обратились некоторые советские писатели. Они раскрыли в рабочих сказах плодотворную тенденцию поэтизации мастерства и, продолжив в литературе труд безыменных сказителей, используя из фольклора образы, сюжеты, дали им дальнейшее идейное и художественное развитие. Так возникло замечательное произведение советской литературы — книга сказов «Малахитовая шкатулка», принадлежащая перу крупного советского писателя Павла Петровича Бажова.

С другой стороны, народные сказители учатся у развитой могучей русской литературы и обогащают за ее счет свои художественные средства, расширяют свои творческие возможности.

Яркой иллюстрацией особенностей этой стороны процесса взаимопроникновения фольклора и литературы являются прозаические повести Маремьяны Романовны Голубковой. Сказительница заимствует у литературы форму повести, и это позволяет ей объединить в целостном сюжете все многообразие форм устного творчества. Повести Голубковой, естественно, включают в себя пословицы и поговорки, прибаутки и заговоры, плачи и песни, сказки и былины. Все это речевое, образное богатство группируется вокруг единого стержня, служит развитию основной темы. И в свою очередь специфическая образность устной поэзии видоизменяет традиционную форму автобиографической повести: эпические элементы выдвигаются на первый план — личная судьба героини приобретает широкий обобщенный характер, перерастает рамки единичного, индивидуального явления, превращается в символ судьбы советской русской женщины. Маремьяна Голубкова обогащает народную устную традицию новым жанром — лирико-эпической повести.

В 1940 году Маремьяна Романовна работает над автобиографической повестью «Два века в полвека». Опубликована она была в 1941 году в журнале «Октябрь» (№№ 3, 4, 5). Это правдивый, суровый рассказ о жизни сказительницы, от ее рождения и до наших дней. Повесть показывает, как в течение одной человеческой жизни сменились две эпохи, два века — век мрака и страданий был вытеснен, изгнан новым веком, принесшим простым людям, всему народу подлинное счастье.

«Годы мои не старые, — так начинает свою книгу Маремьяна Романовна, — а пережито столько, будто прошли большие века. И по миру я находилась, и с малых лет в людях нашаталась, и горя намыкалась... При моих же годах, на моих же глазах, на моей же памяти все переменялось — и жизнь, и люди, да и я сама. Иначе живется, иначе все ведется. Скоро мне стукнет полвека. За эти полвека я два века прожила».

Внешняя канва повести — это события реальной жизни Маремьяны Романовны. Но книга имеет и внутреннюю тему — тему раскрепощенного труда.

Первая половина книги посвящена изображению страшной кабалы и ужасов единоличного труда. Человек из народа превращен в раба своего маленького, ничтожного поля, своего крестьянского двора. Особенно разительно это проступает в судьбе крестьянской женщины — двойной рабы своего хозяйства и своего мужа. Маремьяна Романовна с огромной силой показала всю безысходность, гибельность старой жизни, жизни единоличника.

Во второй половине повести М. Р. Голубкова рисует великий перелом в жизни народа, переход к новым формам хозяйствования — к коллективному труду. Сказительница показывает, как неуклонно все изменялось: и жизнь, и люди, и она сама. Она поет славу красоте, радости раскрепощенного труда. В повести имеется знаменательная сцена: Маремьяна Романовна, впервые приехав в Москву, попадает на Всесоюзную сельскохозяйственную выставку. Здесь она воочию видит, как богата наша страна и как трудолюбив ее

народ. «Какого богатства навезли со всех сторон, со всех наших советских рек: с Волги-матушки, с Дона тихого, с Северной Двины и с нашей Печоры-реки. И все богатство не куплено, своими трудами нажито, на своей земле посеяно, своими руками собрано. Смотришь — глаза полны и душа рада...»

Гордость своим народом, смелыми, умными, сноровистыми людьми наполняет сердце печорской колхозницы Маремьяны Романовны. Сказительница поет гимн трудовым человеческим рукам, которые все могут:

Руки человецьи золотые!
Ладони, силой налитые!
Пальцы зазорные да проворные!

«У человека смелей рук ничего нету. Глазами он видит, сердцем хочет, умом думает, а руки — главный хозяин, вся воля в них. Что бы человек ни вздумал, а если руки не вздымнутся — никакое дело не родится. А вздымнутся руки — все им подначально.

На свете — работы на все руки хватит да еще останется. Иной час перед работой глаза оробеют, а руки учат их не страшиться, а дело делать. Так и пословица говорит: глаза страшатся, а руки делают.

И прежде работы рукам хватало, да не каждый радел хорошо делать. Иной и мог, да не старался: руки тогда не в почете были. Хоть того больше дикой работы они ломали, а почету не знали... А теперь работные руки в почет вошли и взвеселились да расходились, ум да сноровку, науку да машину на помощь привели...»

Тема могущества человеческого труда широко разработана в повести Маремьяны Романовны «Оленьи края» (1947). Сюжетным стержнем книги является путешествие научной экспедиции, которая на Крайнем севере, в тундре, ищет и находит нефть. Маремьяна Романовна странствует вместе с изыскателями, она видит красоту и богатство родного края: «Нигде так не просторно думам, как в пути по тундре. Едешь, смотришь вокруг на ширину немереную, на красоту зеле-

ную, весеннюю, — и дума у тебя как будто делается шире, светлей и красивей».

С основной темой повести тесно сплетается патристическая тема раскрытия красоты и поэзии родной земли. Книга построена на лирических пейзажах, на показе северной природы в радужной игре ее красок. Озера в тундре, приход весны, лето, ягодные россыпи, встреча зорь, утренней и вечерней, — все это изображено с истинно поэтическим вдохновением.

«Каждый год об это время весны сходятся над луночной стороной две зари, как две сестры. Вот мы и смотрим да любимся на редкую эту встречу двух сестер-красавиц, на веселое их гулянье.

Видим мы, как рождается и зреет и наливается красой старшая сестра — вечерняя заря-заряница, красная девица в парчовом наряде. Открашивает она и золотом, и чистым серебром, бархатом разных цветов. И все небо — как голубой шелк, а на нем золотые тычиночки едва-едва заметны: звезды.

Только успела заря вечерняя войти в полную красу, разметнуть свое дорогое платье по небу, а навстречу ей младшая сестра-красавица — утренняя заря — в небо взметнулась, как жар-птица сказочная. И видно нам, что младшая сестра ни обличьем, ни нарядом — ничем старшей не уступит: и лицом не хуже и плечом не уже. Возьмутся сестры в обнимку и стоят, тундруматушку радуют, взвешают все, что есть в ней живо-го. Мечут они с высоты лучи на тундру, и вся она — со своими боровинками, перелесками, озерами и реками — как будто золотыми да серебряными нитками заткана. И каждая птица проснется от крепкого сна, взвеселится, и пропоет каждая, как может, свою песню своим голосом. И каждый зверь поглядит на полночную сторону и тоже, наверно, радуется и ликует и спать ляжет только на потух зари. И каждая рыбка выглянет серебряным глазом из своего водяного царства и посмотрит на земную красу, краше которой не бывает.

И мы смотрели в оба глаза до той поры, пока обе зари замкнулись. И все молчали».

Прекрасен мир природы, открыт он человеку во

всей своей красе и обилии земных даров — вот о чем говорят повести Маремьяны Романовны Голубковой. Но еще более прекрасен человек, раскрывающий сокровенные тайны природы человек — полновластный хозяин своей земли.

Маремьяна Романовна воспела человека-труженика, его «рабочие руки», воспела того, кто живет с народом единой жизнью. Не всякий достоин называться сыном родной земли.

«Человек, как и ручей, зачинает жизнь робко и боязливо, будто тонкая струйка течет и следу на земле не оставляет. А разойдется человек, силы да мысли наберется, как ручей воды, — и разрастается вширь и вглубь, оставляя глубокий след...

Пройдет весна, прокатится вода-снежница, и если дождь да родники подживлять не будут — тундровый ручей выбежит и засохнет, разве что из какого ли ржавого болота сырь станет брать.

Так и человек: коли не течет в него живая вода из родников народных — недолго его путь и коротка о нем память».

Повести-сказы Маремьяны Романовны со всей очевидностью свидетельствуют о том, что творчество даровитой русской женщины, простой печорской рыбачки питается из живых родников народной мудрости, народной поэзии.

